

Цѣна № 15 к.,
въ провинціи
20 к.

ПОБѢДИНОК

№ 3.
1906 г.

Органъ сатирической мысли.

Курнистка.

Вечер... Последние ярко-красные лучи зноящего солнца порхали по габитому тростнику, скланили по поверхности озера и погружались в его усталую мерзлую воду; назапос, дунувши его в своих объятиях. На берегу, прислонившись к дереву, стояла девушка. Распушенные пыльные волосы черными завитками скользя по плечам, сползала на грудь и терлась по складках одежды. Вздохи выпалили из нее. Лицо было мертвенно бледно. Черные, широко раскрытые глаза: то с тоскою смотрели в даль, то жалко впилились в темную поверхность озера. Стоял таинкий, отропстанный, вырвался из ее груди. Она стиснула губы, рванулась вперед. Туда... в воду шагала ее губы. Вдруг она остановилась... Мама... лепетала ее губы, мама прости... Она в влещеожении отупела из сырой берег. Обхватившие ступня ны, сорвавшись порывами ветра, с сухих тресбкой падали наверх. Вдруг она вскрикнула.... Нить, не прядет она, нить... Коля... Тихо шагала она о сиблком, дивном чарующем будущем... Коля... глухой стон вырвался из ее груди. Мама, блдная мама, нечего она... прости... Не миг... Къ нему... так, слышась—Свасте? Свобода?... Она дико стиснула. Ей кажется, что она снова выскр—из много, лица все блдная, глаза, о какой силе, сь какой горячо вброй не свать вперед—бодро все идти,—вперед... Ввыки... шмамена—красная, черная... Иные—все поют все... воли, излученный, негравальной родины, сдвигаются вь один страшный жогучий гимн... и... Она безумно вскрикивает. Она снова слышит заны, слышит пуд; крик и стоны людей, скрежет и

звук зубов... Кони несутся—все топчут... Боже... она видит его безумные, широко раскрытые глаза, видит кровь, слышит его ужасный хрип... Она дрожит, ползает вь воду... вдруть дико вскакивает, бросается вперед—глухой плеск, безумное дикое бурчание—оно захрипает... все тише... тише...
Ночь,—темная, тинетная, мертвая ночь...

К.

Передь бурей.

I.

Буря... Скоро будет буря...
Видишь молния как блестя,
Мяется тучи по лазури,
Твори жалкия трещецуть,
Твори вь норы убьжания,
Твори прятуются оть молний,
Но укроются едва-ли,
Ихь закують вьтерь вольный.
Ихь закують парь природы,
Напоить вьномь кровьями,
Уснитъ враговь свободою
Хорошь бурно величавымь.
Буря... Скоро будет буря...
Эй! не скрываеть вамь твари,
Вьются стурьби по лазури,
Новыя жадной жести раны.
Буря! Чу зоветь степи
Къ стаяу красному сходиться,
Кружиться кля боволя,
Мгн... и буря разразится!

Прахоний.

Рыцарь безъ страха и упрека. Посвящается Ф. П. Дубасову.

За границу на поправку
Нашъ Дубасовь уехалъ,
И азъкъ уже вь отставку
Служишь выддетъ адмиралъ.
Чтожь Дубасова троевать,
Что нутря его полой?
И чего страшнися можеть
Герой доблестный таковой?

Лейтенантомъ подвигъ славный
Онъ безстрашно совершилъ,
И турецкой присираво
Пролетосецъ потопилъ.
Но онъ молодъ былъ годами,
И былъ только лейтенантъ,
А теперь—богатъ чинами:
Генералъ онъ—адъютантъ...

И домерала нынѣ слава,
И злыбда его заныла,
Съ той минуты, какъ расправно
Его кровью заняла...
Его храбрость безъ сомненья,
Вся изчезла безъ следа,
Съ безобразными вь сраженъи,
Какъ и чувства все стыда...

И исполненный амлоба,
Онъ отпрянулъ изъ полка,
Была брошена лишь бомба
Ему какъ-то вь заныла,
Нотъ такъ вѣрный страждь отчизнѣ,
Нотъ испуганный герой,
Что, боясь за цѣлость жизни,
Покидаетъ битвы строй!

Демократка.

Народная былина.

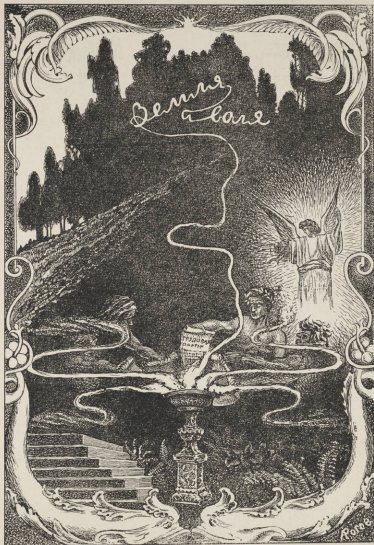
Не зеленый дубъ къ землѣ клонится,
 Не букажине листочки рассылаются,
 На добромъ конѣ ѣдетъ по полю,
 Гроза Грѣшн, Али-ханъ, старикъ!..
 Руки бѣдня кровью полны,
 Кровью полны прямо изловоты:
 Загубилъ Али многихъ воровотъ!
 Беззащитныхъ женъ, малыхъ дѣтушекъ!..
 Ѣдетъ грозный ханъ со дружиномъ,
 Со дружиномъ, со хоробримъ...
 Какъ увидитъ онъ гдѣ селенце,
 Громко крикнетъ онъ звонкимъ голосомъ:
 «Ея вы, гой еси, добры молодцы,
 Добры молодцы, да хоробрее!»
 Вы възнайте-ка, да ва уданы,
 Зажигайте-ка хаты бѣдня,
 Ибывайте-на всехъ крамольниковъ,
 Не шадте вы племя лютото!..
 Забирайте вы алато, серебро,
 Положите вы красныхъ дѣвушекъ,
 Забирайте ихъ, сколько хочется!..
 Пошрѣмъ мы въ славноу Грѣшн!»—

И дружинники словно вороны,
 Тучей черною на селенце
 Полетѣли сейчасъ адымъ по улицамъ,
 Что по улицамъ, перегородкамъ
 И зажгутъ они хаты бѣдня,
 Иовьютъ они злыхъ крамольниковъ,
 Племя лютото не шадли совсѣмъ;
 Заберутъ они алато, серебро,
 Красныхъ дѣвушекъ, сколько хочется,
 И начнется пиръ въ славноу Грѣшн,
 Алиханомъ днесь завоеваной!..
 Тутъ имъ и славу сповѣтъ!...

Записаль Дятель.

Въ Россіи—все наоборотъ;
 Бездѣльника, хунаса въ алатъ,
 Живутъ въ раскошѣйшей палатѣ,
 А честный трудовой народъ
 Или въ холодной бѣдной хатѣ,
 Или въ оковахъ, въ казематѣ!..

Сергѣй.

Грянь скорфе буря.

*«Во время обстрелов мы
пели стихи»*

Вчера в видях страшный сон,
Мой грудь давилась злобные оны,
Как скалы массивная громада,
Как люцифер, властитель ада!

I.

Я видѣл, словно наяву,
Как мощный вѣтеръ, собира тучи,
Летал, свирѣлый и могучий,
Тревожа сонную Небу!..
Грешил частые раскаты,
Кружилъ врибо грошный плескъ;
Мелькал и падалъ на палаты
Ежевнутныхъ молний блескъ!..
О, шкода и не забуду
Съ школой силой отбесну,
Съ проселковъ, уездъ и довоза,
Назъ парусовъ, сакеровъ и дворовъ,
Шумъ волной еще далеко,
Любовя кровь несется потокомъ!..

Облѣта заренекъ страна;
Протяжной, грошный гулъ набата,
Реветь, уносится куда-то,
Но его кажда война
Сознание будить ото сна!..
И вотъ, подъ грохотъ канониды,
Растутъ повсюду баррикады!..
Свершилось!.. Вальсехъ грошный демъ!
Поконивъ хати деревень
Крестьяне шумными толпами
Слѣшать на помощь въ города,
Гдѣ гордо вѣлаетъ предъ дворцами
Знамена красная труда!..

Проснулся народный вулканъ;
Орель встрепелуся двухглавый,
Гдѣ-то его—забито давой,
А въ небѣ—красный туманъ!..

На жалкихъ обломкахъ дворцовъ
Двигутъ народъ свою волю,
И гроше скланиветъ по полю
Дружяны усталыхъ борцовъ!..

Вѣдутъ, расплываются тучи,
Сверкаютъ и гремятъ лучи:—
Съ полорокъ глубочина и жгучина
Вѣдутъ изъ страны палачи!..

II.

Но тутъ я проснулся въ лагучъ своей,
Услышалъ: сменяны, угрозы,
И волки, и крики, и звыя цѣней,
Надъ дѣтскими гримами стоить матерей
И слезы, кровавыя слезы.

Скорый отзовитесь, въ комъ духъ не угасъ;
На битву скорфе идите!..
Одна лишь дорога открыта для васъ,
По ней вы за счастье идите!..

Скорый отзовитесь, сознание въ комъ есть,
Онакъ палачей разармуйте;
И дозвонитъ битамъ „кровоавую метъ“
Въ дружинахъ своихъ возглашайте!..

Идите!.. Идите!.. Васъ страстно зоветъ
Въ кровь потонувшій народъ!..

Василь Кучинскій.

—o—

Пѣсня разбойника.

(Пародія)

(Посвящается современныиъ сатрапамъ).

Что примучили вы, силы народныя,
Что не идете на бой?
И покажу вамъ, холмоги голодные,
Какъ вамъ титансы со мной!
Вышло на васъ и дивный пѣсня
Самыхъ отвязныхъ полковъ;
Многомъ окружатъ васъ полчища смѣлыя
Лидой орды казаковъ:
Ждутъ васъ давно съ начосными пи-
ками,

Съ массой нагаеетъ лихихъ,
И не пробудите валмины криками
Капли въ жалости въ нихъ!..
Живо заточитъ потомъ кавалерія
Васъ подъ ногами коней,—
Временемъ тѣмъ подойдетъ артиллерія
И пулеметы при ней.
Вамъ приготовлены пули отлитыя
И боевые штаны,
Будете гибнуть вы, кровью залитые,
Полюи смертельной токсилъ..
Знаю я самъ, что жестокой расправой
Много и душъ загублю,—
Кто-жъ виноватъ, что потѣху кровоавую
Больше, чѣмъ жизнь, я люблю?

Демократка.

Пѣсня свободныхъ.

Поес. Н. В. К.

Надъ отчизной рвѣтъ тучи... Яркъ молнія сверкаетъ, грохотъ
грома раздается, словно битвы канонада...

По полямъ, лугамъ и селамъ, въ хатахъ, хижинахъ убогихъ
просыпается крестьянинъ отъ глубокой долгой спячки...

Въ городѣхъ же по заводамъ, честный труженникъ рабочей
собирается въ дружинъ, возглашаетъ свою волю: «Прочь, позорные
сковы! Мы родились рабами, но вдохнуть въ насъ духу свободы искру
мести и сознанья!... Прочь позорные оковы! Грозно двинемся на битву
и разрушимъ въ прахъ твердою въковомъ произволомъ!»

Посмотрите, въ жужахъ тяжкихъ всюду стонетъ край родимый;
взвасей свирѣлыхъ стая всюду вноситъ разрушеня! Кланя, пытки и

насилыя, безпощадные погромы, тюрьмы, полныя борщани за народъ и
за свободу!...

Грѣнь же, грѣнь скорѣе буря! Вѣтеръ грозный и могучий,
пролети скорѣй надъ бездною, собирай скорѣе тучи!»

Яркъ молнія зыгзаги упадутъ на тѣ палаты, гдѣ шируютъ
беззаботно воровалыи и магнаты!...

Кровь убитыхъ понесется по рѣкамъ въ шлое море; берега она
размететъ и потопитъ слугъ насилья!...

Вѣсто пѣсни заунывной, пронесется голосъ мести; даже мерт-
выхъ она разбудитъ и вдохнетъ въ нихъ жажду ищенья!...

Грѣнь же, грѣнь скорѣе буря! И въ волненяхъ стихій, навсегда
пуская погибнуть силы темныя Россіи!...

Скоро, скоро грянетъ буря!

В. Князевъ.

Призракъ черного папы.

Съ тѣхъ поръ какъ Іезуиты Евангеліе превратили въ приходско-расходную книгу, съ тѣхъ поръ какъ они въ образѣ священнослужителей, извращая текстъ писанія, стали торговать именемъ Христа,—они уже не могли быть духовниками.

Ишущіе правды Божіей отвернулись отъ нихъ, какъ отъ призрака.

Нѣтъ, это не члвкъ! Это выходило съ того свѣта, это призракъ черного папы, творщаго свое заклинаніе!..

Когда истинные ученики Христа обличали этихъ искаротовъ воли, они съ бѣшеною злобой предавали ихъ имени сатанъ.

Со дна пропасти сердца своего, покрытаго язвами зла, Іезуиты поднимали всю грязь и забрызгивали ею свѣтос свѣтлѣ.

Указывающихъ путь истинный къ святой правдѣ и съ горькою болью отвернувшихся отъ нихъ Іезуиты притесняли къ смерти и поворно сжигали на кострахъ.

Тѣ, кто отдавать истинѣ все сокровище своей души, тонились въ тюрьмахъ, брѣсали кандалами въ рудники или были казнены публично, какъ еретики.

Темная, какъ жилище смерти, толпа, возбужденная джизвиемъ учениемъ инквизиторовъ, потрѣсая воздухъ волгасами дикой радости, валомъ валела на арѣище казни и, оспленивая кровью мучениковъ рукоплескала!..

Жрѣщеники, смиренно ваирая на небеса, но въ холодѣ сердца своего, лепя злобу и наслѣженное мѣсто, торжественно произносили заклинаніе...

* * *

Время шло, сдѣла старина и то, что было когда то действительностью, стоило въ область преданія.

Люди, переходя отъ одного несчастія къ другому, все больше и больше познавали истину. То, чему они вѣрили сто лѣтъ тому назадъ, теперь считали сказками.

Тотъ, кто былъ казненъ столѣтію тому назадъ по приговору инквизиторовъ за святотатство, получалъ у народа имя святого. Права, за которую сжигали на кострахъ, постигалась истина ядлами. Ложь, въ которой обличали казненные жерпроповѣдниковъ, становилась правдой.

Та же толпа, [которая] рукоплескала смертному приговору надъ борями за истину, теперь сто лѣтъ воздвигала ихъ памятники.

Но черные монахи оставались въ прежнемъ заблѣніи: они закрывали глаза передъ действительностью.

Старые писмечу стирались съ пергамента, а монахи, не заглядывая въ книгу жизни, писали на нихъ слова, то, что уже было погребено въ хвостѣ прошлаго.

Жерпроповѣдники не переставали бичевать истину.

Народъ оставляя позади себя развалины старинны, строилъ новый алтарь для своего бога.

Дышущіе заплѣтаннымъ разумомъ своихъ предковъ черные монахи оставались прежними инквизиторами. Они такъ же, какъ и въ джизвие учителя, на грязныхъ клочкахъ бумажы писали индугенціи.

Въ народѣ изукиты терели совиниковъ. Глѣзда черныхъ извѣдъ были разбросаны вездѣ. Итъ нужно было сохранить истину у алтаря, чтобы не выродиться, и они открыто перешли на сторону тѣхъ, въ чьихъ рукахъ было оружіе. Они душою и тѣломъ отдались барбанищамъ и ружейнымъ настерамъ.

Черная клика пропалась тѣмъ, кто вырвался изъ сеней кнѣжеской, кто изъ рукъ защищать тотъ произвелъ, которымъ они возводили свою сторону. Такихъ кнѣжескихъ пердъ евангелиемъ, пердъ той святой книгой, которая устами Христа велитъ возлюбить ближняго, какъ самого себя, учить кротости и смиренію, джанастанкиа заставляли клѣстисъ въ томъ, что они должны съ оружіемъ въ рукахъ защищать отечество отъ внутренняго врага.

Внутреннимъ врагомъ эти фарисеи и книжники называли тѣхъ кто поднималъ яркое знамя правды, кто повторялъ сказаннымъ Христомъ слова, суиш конюражъ развѣстиво и браниво.

Лжепастыри, какъ прежде, истинная слова писанія мѣняли на гулденъ. Со времени сѣдой старины вплоть до послѣднихъ дней въ головы этихъ искривотѣвъ ни разу не заглядывала истина.

Монашеская скина, какъ прежде, такъ и теперь была ризой нечѣстива.

Подъ черной одеждою изукитовъ бился пульсъ искъ пороковъ.

* * *

Нѣсколько уже похолодѣли сонюки очи, но ложь въ черномъ саванѣ блуждала по землѣ, ищетъ святую правду и шаркаетъ ее своими грязными когтями.

Воскресаютъ ужасы сѣдой старины, воскресаютъ пытки, воскресаютъ въ выродившемся инквизиторѣ зѣбрь, жаждущій крови.

Запахомъ крови напоенъ воздухъ.

Гробами люди украшиваютъ свои жилища.

Могильными курганами богатѣетъ земля.

Площади дѣтскихъ игръ стали кладбищами.

Волки уже не воютъ голодные около овчарни: они обжираются челоувческими трупами.

Кто это стоитъ вонъ тамъ, опершись мускулистой рукой—палача на стальной жезлѣ?

Кто онъ, въ черную одежду кутающій свое тѣло? Зачѣмъ онъ не смотритъ прямо въ глаза тѣмъ, кто окружаетъ его?

Какая ужасная мысль сверлитъ его черепъ?

Что онъ говоритъ? Чѣмъ пышетъ сердце этого страшнаго челоувѣка? Откуда онъ пришелъ сюда?

Зачѣмъ онъ съ такой жадностью говоритъ о смерти? Кого онъ приговариваетъ на гильотину? На что ему нужны висѣльщи?

Нѣтъ это, не челоувѣкъ!—Это выходитъ съ того свѣта, это призракъ чернаго пана, творящаго свое заклинаніе.

А что та за книга, которую онъ приваилъ своими желѣзными перстами?

— Евангеліе...

Страшный сонъ!.. Когда наконецъ ты оставишь въ покоѣ больную душу!..

Гражданинъ.

Пословицы и поговорки.

Это все враки, что поблизъ вѣсть маганя, а вотъ это такъ не враки, что насъ бѣдетъ вѣдѣ казаки.

Коль дѣвѣтъ на баррикады—не проси пощады.

Нашего кадетъ пѣсенка свѣта.

Вотъ наступитъ осень—вѣдѣтъ на судѣ попросимъ.

Доброму вору и брѣносецъ ввору.

Не вѣсий хулганъ дѣвѣтъ въ кармавъ; иной и въ душу.

На уснеленной охранѣ—револьверъ держи въ кармавъ.

Перемру вѣри, да смотри на дверь: вѣтъ-ли жандармовѣтъ.

Памяти Адмирала Чухина.

Погибъ, сражень рукой матроса,

Свирѣпый, грозный адмиралъ,

Что безъ суда и безъ допроса

Людей и вѣшалъ и стрѣлялъ...

И вотъ въ престолу Бога славы

Должна душа его предстать:

Чтобъ за грѣшныя расправы

Отчетъ Создателю отдать.

И вѣно дѣхъ его боаван

Теперь исполненъ безъ конца.

Что не забѣтеть страшнѣй ваван

Предъ грознымъ онъ сѣдохъ Теора.

Демократка.

ТИХО.

Что там гудят несмолкая, как рой?
 Что там за выстрѣм слышны вдали?
 Грошны звуки несугас: „Долой!“
 Волю намъ дайте, намъ дайте волю!
 Грошны, страшны крики надъ бездной,
 О, замолчите, довольно тѣхъ словъ!—
 Стоны угаснутъ въ пучинѣ надвѣвающей,
 Ихъ заглушитъ звонъ жезлѣнныхъ оковъ.
 Стоновъ не надо. Довольно рыданья,
 Молча идите впередъ,
 Молча фундаментъ изъ скалы мѣраюша
 Строй, угнетенный народъ.
 Молча... Довольно терзаній шпирасныхъ,
 Ты одичалъ, влещесть,
 Молча колени изъ каменей прекрѣсанныхъ
 Строй, намъ истерзаный боги...
 Тихо... Ты видѣлъ какъ протъ неустано,
 Рылъ катакомбъ хоронъ,
 Молча идъ, но трудѣе безвѣстнано,
 Сладко надъ горныхъ трудовъ.
 Чпш... Пусть въмолкнетъ разгнѣванный рой
 Пусть сладко дремлютъ вассалы земли.
 Строй, неустано фундаментъ ты строй,
 Молча, отъ черной тревоги вдали.

II.

Изуренные, больные,
 Кто они, и что они
 За постройку земляни
 Такъ возводить въ наши дни.
 То рабы, сыны печали
 Строятъ такъ свободы храмъ.

То они, что вѣкъ страдали.
 Слѣзны строятъ господамъ.
 Какъ ихъ много въ эту пору,
 Въ часъ когда богатство спитъ,
 Вѣкъ надзира, безъ привору,
 Надъ работою коритъ.
 Какъ ихъ много, какъ суровы
 Въ лунномъ блескѣ лица ихъ,
 Каждый мигъ все крепнѣтъ ковы
 Даръ для ихъ боговъ земныхъ.

III.

Они вѣдутъ трудовъ тѣхъ смѣна,
 Какъ солнца лучъ, какъ свѣточъ, правды
 Воспрянетъ вновь свободная страна
 вѣчной,
 И часъ суда придетъ для жиъ бѣснечой.
 Въ тотъ мигъ страна какъ роза расцвѣтѣтъ
 И вновь замрутъ мучительные стоны,
 И свергнутъ вновь тирана долгіе гнетъ,
 Родныхъ бойцовъ слагтея летонимъ,
 Не надо слезъ, не плачь моя страна,
 Трудись какъ кротъ спокойно и упорно,
 Едва вѣдутъ трудовъ тѣхъ смѣна
 Какъ протъ падетъ безмолвно и позорно.
 Довольно мукъ! Кровавый провозвѣтъ.

Падетъ съ врагомъ возставаго народа!
 И вотъ тогда на новый твой престолъ
 Взойдетъ опять пошарная Свобода.

Прогонѣй.

Колокола.

Звучать, гудать колокола
 И мощно грошное ихъ вѣнче...
 Гудать, звонутъ колокола
 На свѣтлый праздникъ возрожденія.
 О, города! О, города!
 Затѣмъ спонте вы тѣмъ же?
 О, города! О, города!
 Залгитесь красными огнями.
 Страхните гнетъ перегородъ,
 Долой оковы злой неволи
 И всѣ впередъ и всѣ за мной
 Идите къ новой, лучшей долъ.
 О, города! О, города.
 Друшній вѣстие слать свой красній,
 Чтобы насъ жестога вражда
 Не поразла силой варшннхъ.
 Пусть ружнетъ съодъ творимыхъ стѣнъ.
 Чертоги смѣгао богатства
 И уникы покинѣтъ плѣнъ
 Сольются всѣ подъ стѣнѣо братства
 О, города! О, города!
 Затѣмъ молчите холодный камень,
 Пусть въ часъ великаго суда,
 Всѣхъ миръ охватитъ красній пламень.
 Друшній впередъ на смертній бой,
 Подъ гудъ могучаго набата,
 Подъ звенъ вѣсна боевой
 Впередъ! Дружнѣе братъ за брата.
 Звучать, гудать колокола,
 Не волнѣте грошное ихъ тѣмъ же,
 Палимъ ихъ звонъ жалкой шпечель
 Пера поствѣднѣя пришла...
 Гудать, звонутъ колокола
 На свѣтлый праздникъ возрожденія.

A. Георгиевскій.

ДВѢ СМЕРТИ.

I.

Умерь самовникъ...

Тыко, торжественно колыхался его величайшй катафалк съ масивнѣйшми дубовымъ гробомъ обитымъ золоченою мишурою. Велюжа умерь на своей смерти, но и за предѣлами нашего бременнаго земного существованія онъ остался избрать своимъ превратить мишурнаты идеалы. И мертвый онъ требовалъ себя почестей, требовалъ мишуры. Впереди его гроба на богатыхъ атласныхъ подушкахъ несли нескончаемъ рядъ орденовъ. Какъ могъ увѣрить на себя велюжа все эту жеманку россоихъ?

Похороны были торжественно спокойны. Не было слезъ, не было плача и только первый его врагъ и кандидатъ на должность покойника промывалъ надъ прахомъ несчастнаго собрата пышно-банальную рѣчь. Вспоминались заслуги покойнаго, слышались даже и совѣсть не аристократическія замѣчанія о грѣшнѣхъ его. Въ духѣ самонаго мертеца порхали какъ въ покоевой лиѣ, помыслили на казенный счетъ, похваляли и разъхались весело болтая по французски. Не велика утрата. На его истре найдется не мало претендентовъ способныхъ продолжить еда начатую имъ программу.

— Миръ праху твоему великій черносотенецъ земли руссоихъ! — шептали вслѣдъ его колеснича газетная строжки и плакала настоящихъ крокодильиныхъ слезами.

Почему они плакали?

II.

Хорошій бѣднаго рабочаго.

Несчастный умерь не своей смертью.

Его поразили оскорова брошеннаго имъ же самимъ зарычагата снаряда. Хорошій величественно, грустно... Гробъ несли изъ рукавъ и не видно было его среди тысячной массы живыхъ людей. Онъ какъ и самъ покойный продолжалъ оставаться такимъ незаметнымъ, увереннымъ. Не было тутъ реталии. Только краиня старика грозно пикали на солнцѣ.

За гробомъ шла жена покойника съ двумя дѣтми.

Многие рыдали...

Ужася могильная яма беззаботно приблизала за этой печальной картиной.

Есть гробъ опущенъ. Печально звучитъ грозо сложной похоронной марши, печально звучатъ салыные молодые голоса:

„Вы жертвою пали въ борьбѣ революц
Люби беззащитныя къ народу“...

Тяжелая конья земля глухо упали на крышку гроба.

— Товарищи покаяниемъ вознаграждать наше несчастное отечество, потерявшее въ покойномъ одного изъ своихъ великихъ борцовъ за свободу! — промывалъ это-то.

— Какнешъ! Какнешъ! Въ ямкени! — рыдали голоса.

— Какнешъ, товарищи и мы такъ же смѣло идти за идею, за маршъ, за правду, за свободу.

И вдругъ могуче вслѣднимъ звукомъ промчалась надъ землей, раздалась надъ въездъ въ голубой бархатный просторъ и величественно понеслись туда, гдѣ далеко была жизнь, выносили фабричныя трубы окутанныя сѣрмымъ непролимаемымъ покровомъ вѣчнаго мрака.

Отреченъ отъ стараго міра

Отреченъ его прахъ съ нашихъ ногъ.

И отъ этого могуче стилийнаго гнича казалось собой соарогнулас и черная дыманная туча испѣвъ улыбаулась и грустно поминалась по небу.

И жутко и весело было видѣть тысячи свѣжихъ, равнозвенно сморкшихъ лицъ, безумцевъ готовыхъ на великій подвигъ за гибель несчастнаго брата.

За оградой краинчаго кладбища скучились войска и пѣсны отъѣхалась, дразнила ихъ души стальныя и смѣло задорно залаа ихъ на бой. Возбужденно настроенная толпа торжественно покидала кладбище. Грузно колыхались красные знамена.

Было радостно и жутко. Почему разоулась эта толпа?

A. II.

Воззваніе.

Страшное несчастье обрушилось на еврейское население города Бѣлостока. Потерю, организованной оудомъ и длившейся 1—3 дня, дала въ результатъ массу жертвъ: до ста безчеловѣчно убитыхъ и сотни раненыхъ. Множество магазиновъ, лавокъ мастеровыхъ и квартиръ безпощадно разгромлены. Многие семейства лишались своихъ кормильцевъ, остались безъ хлѣба и крова. Въ городѣ поднята асета. Помогите! Человѣколюбивые братья! Помогите жертвамъ афрейскаго нащія!

Пожертвованія просимъ направлять казначеу Комитета Маркуеу А. Ш. Гордону.

Бѣлостокскій Комитетъ по оказанію помощи евреямъ, пострадавшимъ отъ погрома.

Въ самое изподолнительное время выйдетъ въ свѣтъ органъ эстро-сатирической мысли и въ высшей степени инпанатно радумая

„ПОЧТА АМУРА“

Задавший себѣ цѣль проведенія въ жизнь всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго ядовитаго сарказма. Направлене прогрессирующее.

Программа иппинимъ доставить читателямъ и читательницамъ эстетическое наслаждение; программа шахидни — серженіе бюрократическаго строя; на почвъ будущаровъ и балета.

„Почта Амуръ“ будетъ выходить еженедѣльно, въ размѣрѣ 16 стр., богато иллюстрировано.

ЦѢНА ОТД. № 5 КОП.

Редакция и Контора: Сиб. Детгарий пер., л. 14, кв. 30.

„ПОЕДИНОКЪ“

ОРГАНЪ САТИРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ ВЪ МОСКВѢ: КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „ПРЕССА“, МЯСНИЦКАЯ, 36.

ЦѢНА ОТД. № 15 К. ВЪ ПРОВИНЦІИ 20 КОП.

Редакція: Сиб. Детярый пер., д. 14, кв. 28.

Редакторъ проживающій: съ Иворгизска и Четвергамъ отъ 6 до 8 ч. веч.,
во воскресная днѣ отъ 1 до 4 час. днѣ.

Издательница А. Д. Рыжскъ.

Редакторъ В. М. Онгирскій.

Сиб. Коммерческая Типо-Литографія Виленчикъ, Лысей, пр., 58.

Введен
Library
2008
FBI
546
3